

Имя на карте

*«Всё умирает на земле и в море,
Но человек суровой осуждён:
Он должен знать о смертном приговоре,
Подписанном, когда он был рождён.
Но, сознавая жизни быстротечность,
Он так живёт – наперекор всему –
Как будто жить рассчитывает вечность,
И этот мир принадлежит ему...
С.МАРШАК*

В любом почтовом отделении возьмите и перелистайте Справочник почтовой индексации. В нём вы без труда обнаружите «тёзок» Корсаковки.

Это – город и порт Корсаков на Сахалине, это – станция Корсаков на ДВЖД, это – сёла Корсаково в Хабаровском крае и Корсаковка на Сахалине. Нынешняя улица Тимирязева в Уссурийске некогда именовалась Корсаковской. Давались эти названия ещё в позапрошлом веке, в эпоху освоения восточных окраин Российской империи.

Глава 1.

Наше село получило при основании имя КОРСАКОВА Михаила Семёновича.

Вот почему нам, корсаковцам, следовало бы знать, кем был этот человек. И в первую очередь нас интересует его служение России. Некоторые факты, взятые из его жизни и карьеры, по самым разным источникам, приводятся ниже.

Михаил Семёнович Корсаков родился в известной дворянской семье в 1826 году, 13 марта, то есть более 180 лет назад. Воспитывался он, как и многие дети из знатных семей, в Пажеском корпусе. Окончил школу гвардейских юнкеров и подпрапорщиков, откуда был выпущен в престижный лейб-гвардии Семёновский полк, который нёс охрану царского дворца и столицы. Здесь у Миши появились полковые товарищи, с которыми впоследствии его не раз сводила судьба. Корсакову довелось служить со многими людьми, чьи имена вошли в историю России и легли названиями на географические карты. С такими, к примеру, как Завойко, Невельской, Буссе, Казакевич. Но особо тёплые отношения связывали его с Н.Н.Муравьёвым. Михаил Семёнович доводился ему двоюродным братом, был моложе по возрасту, и это придавало их отношениям по службе характер родственной теплоты.

В 1847 году Н.Н.Муравьёв был назначен генерал-губернатором Восточной Сибири, огромного и мало освоенного края. К тому времени он был уже молодым генералом с боевым опытом, награждённым боевыми орденами и золотой шпагой «За отвагу», вышедшим в отставку по ранению. В 1848 году новый правитель огромного края отправился к месту своей новой службы, в Иркутск, столицу Восточной Сибири.

Муравьёв был человеком далеко не однозначным, о нём впоследствии известный сибиряк Вагин говорил: «Всё хорошее, что было сделано Муравьёвым, было результатом его ума, всё дурное – его характера».

При этом-то энергичном и вспыльчивом человеке начинал свою карьеру молодой Корсаков, в качестве офицера для особых поручений. «Особые поручения» носили самый доверительный и разнообразный характер. Прежде всего, это были обязанности по курьерской доставке почты из Иркутска в столицу – и обратно. Приказы и распоряжения самого Муравьёва передавались из Иркутска на места, в самые отдалённые уголки генерал-губернаторства, вплоть до Камчатки, также через офицеров-порученцев. В середине XIX века это был единственный способ связи с крайними пределами России (при отсутствии почтовой).

Многие тысячи вёрст пути на всём протяжении страны от Петербурга до Камчатки пришлось преодолеть при этом штабс-капитану Корсакову, со многими людьми довелось встречаться. Среди добрых знакомых Михаила Семёновича были, например, ссыльные декабристы в Ялуторовске – Пушин, Якушкин, Оболенский, Муравьёв-Апостол. Корсаков частенько останавливался у них по пути в Петербург или обратно. В своих путевых заметках он признавался: «Ялуторовск для меня – станция душевная».

Дружеское отношение Корсакова к ссыльным декабристам проявлялось и позднее. Когда он стал уже забайкальским генерал-губернатором, адъютантом при нём состоял сотник Забайкальского казачьего войска Юлий Владимирович Раевский, сын поэта-декабриста В.Ф.Раевского. По личному ходатайству Корсакова с 1863 года выплачивалось пособие от Литературного фонда вдове поэта-декабриста Кюхельбекера, в 180 рублей ежегодно (при пособии вдове от казны всего лишь в 114 рублей 28 копеек серебром).

М.С.Корсакову посчастливилось быть помощником, соратником, продолжателем дела Н.Н.Муравьёва-Амурского. Делом этим, служившим укреплению могущества и славы России, было – присоединение к империи Амурского края и Приморья, которые со времён обороны Албазина так и оставались ничейными.

Осуществление этого дела было бы невозможным без Амурской экспедиции и Амурских сплавов. «Словарь русской истории» сообщает: «В 1849 г. капитан Г.И.Невельской на военном транспорте «Байкал» пришёл в Петропавловск с грузом на Камчатку на два месяца быстрее обычного и отыгранное время использовал для изучения Амура и Сахалина. Член экспедиции П.А.Козакевич доказал судоходность Амура, а Невельской, пройдя на юг, что Сахалин – остров (пролив теперь носит имя Невельского).

1 августа 1850 г. Невельской основал Николаевский пост на мысе Куегдо (Николаевск-на-Амуре) и объявил российским владением Приамурский край и Сахалин.

По докладу Невельского правительство создало постоянную Амурскую экспедицию под его же началом. Участники экспедиции открыли в 1852 г. месторождение каменного угля на Сахалине и описали западное побережье острова и бассейн р.Амгунь (Н.К.Бошняк), западный берег Татарского пролива и гавань Хаджи – ныне Советская Гавань (Бошняк), в 1853 г. – юго-западный берег Сахалина (Л.И.Орлов). точную карту Сахалина в 1854 г. составил Н.В.Рудановский.

Эти бесценные материалы о природе и населении помогли и науке, и политике, ибо по ним установлена Айгуньским договором (1858) граница России и Китая».

Амурскими сплавами назывались ежегодные массовые экспедиции вниз по реке (1854 – 1858 гг.) с целью занятия левого берега и устья Амура, чтобы впоследствии использовать реку как транспортную артерию, связывающую Сибирь (а через неё – и Россию) с восточными морями, Сахалином и Камчаткой. Эти сплавы проводились ещё до

официального закрепления границы с Китаем по Амуру. Организатором и руководителем сплавов был лично генерал-губернатор Муравьев. Корсаков, вместе с другими молодыми офицерами, активно участвовал в подготовке и проведении сплавов.

Глава 2.

Первое плавание вниз по Амуру пришлось не один месяц «пробивать» в столице и готовить на месте. Ещё с 1848 г., до организации Амурской экспедиции, команда Невельского исследовала район устья Амура. А с 1851 г., по распоряжению генерал-губернатора, в Сретенске на Шилке строились под командой Казакевича речные суда для будущих сплавов. Но только в январе 1854 г. царь утвердил положение, по которому Муравьеву предоставлялось право непосредственно на месте вести все отношения с китайским правительством по амурским вопросам. А 6 февраля 1854 г. царём было дано разрешение «плыть по Амуру», при том условии, «чтобы и не пахло пороховым дымом». Первый сплав был назначен на весну того же года.

По словам одного из свидетелей этого события, «вся Сибирь встрепенулась при вести об открытии плавания по Амуру, которого она ждала более 160 лет». Нашлось множество добровольцев, готовых участвовать в этом предприятии. Сибирь торжественно чествовала Муравьева и его сподвижников. Составлялись поздравления и приветственные адреса.

В одном из них, стихотворном, читаем:
*«...Хвала и вам, отважные пловцы,
Корсаков, Невельской и Казакевич.
Так встарь яцкие ходили удалцы,
И так ходил Ермак наш Тимофеич...».*

14 мая 1854 года около тысячи участников первого Амурского сплава отправились из Шилкинского завода в путь. Караван составил внушительный: пароход «Аргунь», 13 барж, 29 плотов, 18 баркасов, 8 плашкоутов, 6 лодок и 4 вельбота. 18 мая экспедиция вышла в русло Амура, под громкие крики «Ура!» всех участников. Командовал всей экспедицией лично Муравьев, а флотилией – П.В.Казакевич. Капитан Корсаков командовал десантом, который включал в себя пехотный батальон из 710 солдат 13-го, 14-го и 15-го линейных сибирских батальонов, горный дивизион из 44 солдат и 2 офицеров, казачью сотню в 120 казаков и 2 офицеров, а также 16 мастеровых и 14 музыкантов. Среди снаряжения экспедиции были 2 десятифунтовых орудия-единорога и 2 десятифунтовых мортиры, двухмесячный запас продовольствия для экспедиции, провиант и военные грузы для Камчатской флотилии.

Потянулись мимо зеленеющие берега, никогда не видавшие прежде такого скопления судов. Левый берег был совершенно пустынен. Первый суточный привал на Амуре экспедиция сделала в месте, где когда-то стояла русская крепость Албазин, разрушенная маньчжурами в конце XVII века. Корсаков вместе с другими сошёл на берег и бродил там, с волнением осматривая остатки крепостных построек, где больше 160 лет назад героически оборонялись русские воины. По примеру других, Михаил Семёнович взял себе на память о героях «вырытый из земли кирпич и горсть почерневшей, уцелевшей от времени пшеницы».

Плаванье к устью Амура продолжалось около месяца и завершилось в Мариинском посту. Новость об успешном окончании сплава, вместе с рапортами и отчётами генерал-губернатора, по его поручению, доставил в столицу, царю и правительству, М.С.Корсаков. правительство с удовлетворением восприняло это известие. Михаила Семёновича принял лично император Николай I, выслушал рапорт, обнял Корсакова и приказал представить к

награде всех участников сплава. Корсаков, в частности, был произведён чином в полковники, Невельской стал адмиралом, Казакевич – капитаном I ранга. Нижние чины получили по 3 рубля серебром на каждого.

Успех сплава ещё более утвердил всех его участников в необходимости для России владения левобережьем Амура и возможности плавать по нему, не в последнюю очередь из военно-стратегических соображений. В это время у восточных берегов России рыскала англо-французская эскадра, готовая в любой момент захватить кусок побережья с удобными гаванями, ещё не занятыми Россией.

Поэтому к следующему сплаву (1855) решено было построить дополнительно новый пароход и 60 плашкоутов, необходимых для переброски к устью Амура 100 тысяч пудов муки, 500 голов скота, артиллерии с 20 тысячами пудов боеприпасов, а также для переброски войск и, что не менее важно, первых крестьян-переселенцев для водворения их на левом берегу Амура. Им в новой флотилии отводилось 35 барж – для размещения 51 семейства иркутских и забайкальских крестьян со скарбом, в количестве душ 481.

Этими крестьянами были основаны в год второго Амурского сплава первые пять русских селений по левому берегу реки, между Мариинском и Николаевском. В подготовке второго сплава также активно участвовал Михаил Семёнович. Сплав 1855 года ознаменовался тем, что в его ходе восточносибирский генерал-губернатор Муравьёв лично встретился в Мариинске с представителями китайских властей и впервые предложил им провести русско-китайскую границу по Амуру, как естественному природному рубежу, и тем самым покончить наконец с неопределённостью в этом вопросе. Впоследствии предложения эти стали основой Айгуньского договора 1858 года...

Глава 3.

В архиве любого исторического деятеля особое место занимают письма, которыми он обменивался с близкими и друзьями и в которых порой высказывались самые сокровенные мысли.

Получал такие письма и Михаил Семёнович. По ним можно судить не только о дружеских взаимоотношениях среди сподвижников Муравьёва, но и о механике продвижения их по служебной лестнице. Из письма к М.С.Корсакову от его полкового товарища Н.В.Буссе: *«...есть ещё край, о котором надо озаботиться – это Забайкальская область. От неё много зависит успех на Амуре. Запольского не знаю, но, кажется, он плох. Послушай, Миша, скромность в сторону – ты должен быть забайкальским правителем, всё равно под каким именем»*. Буссе верно оценил расстановку сил: вскоре Корсаков становится забайкальским генерал-губернатором и войсковым атаманом Забайкальского казачьего войска. Что касается Буссе – он в 1858 году становится первым губернатором только что образованной Амурской области. В одном из личных писем к Михаилу Семёновичу Муравьёв откровенно делится своими намерениями на будущее. Из письма от 25 февраля 1855 года: *«Для успокоения Невельского я полагаю назначить его при себе исправляющим должность начальника штаба; Завойку начальником всех морских сил, а тебя – всех сухопутных, разумеется, по прибытии твоём в Кизи, для дел же будут при мне дежурный штаб-офицер по морской части Оболенский, и по сухопутной не знаю ещё кто. Таким образом, Невельской с громким названием не будет никому мешать и докончит своё там поприще почётно»*.

К концу 1855 года была образована Приморская область, в состав которой вошли Камчатка, Охотское побережье и Приамурье, со столицей области в Николаевске. На весну

1856 года готовился очередной, третий сплав, возглавить который на этот раз должен был М.С.Корсаков, к тому времени ставший уже забайкальским губернатором. Сам же Муравьев этой весной отправляется за границу, на лечение. Однако и за тысячи вёрст Корсаков регулярно получает от него письма, в которых старший друг и наставник делится опытом и советами.

Из письма Муравьева Корсакову: *«Не сомневаюсь, что ты сумеешь обойтись с китайцами согласно высочайшей воле, и даже если бы они выдумали загородить тебе дорогу своими джонками, то продолжай идти безостановочно, не делая им никакого вреда: а если они станут стрелять, то скажи, что будут отвечать за это перед своим правительством, и письменно объяви об этом в городе».*

В итоге сплавов 1856 и 1857 годов русские позиции на Амуре и в целом на востоке усилились: здесь увеличилось русское население, появились новые военные посты. Однако вопрос о границе с Китаем оставался неразрешённым – в 1857 году китайцы не приняли русского посла Путятина. Муравьев видел причину неудачи в том, что переговоры велись без учёта его предложений и проектов. Он направляет в столицу сердитый доклад и прошение об отставке, в докладе отмечает достигнутое на востоке и высказывает много наболевшего.

В конце 1857 года генерал-губернатора вызывают в столицу, где вместо отставки он получает звание генерал-адъютанта, весьма почётное и дающее право передавать монаршую волю устно, без письменных полномочий, а также дающее ряд других привилегий. Муравьев воспрянул духом. В письме к М.С.Корсакову он делится своими планами на ближайшие годы: провести ещё несколько лет на востоке, чтобы завершить начатое, а затем передать дела в надёжные руки Корсакова.

В завершении начатого Муравьеву помогли полномочия, полученные им от царя.

Пятый сплав (1858) генерал-губернатор снова возглавил лично, в третий раз за последние пять лет. В Айгуне он сделал остановку для переговоров с китайскими представителями. Переговоры эти завершились подписанием Айгуньского трактата. Подписанный 16 (28) мая, трактат в первом же своём пункте провозглашал, что отныне левый берег Амура от реки Аргуни до морского устья принадлежит России. Плавание по Амuru, Сунгари и Уссури разрешается исключительно русским и китайским судам. Земли к югу от низовьев Амура (Приморье) временно оставались в совместном владении России и Китая.

М.Н.Венюков в своей книжке «Как заселялся Амур» писал: *«Заслуга Н.Н.Муравьева перед Россией неизмеримо велика. Многие ли бы в состоянии были сделать то, что совершил он с личным составом помощников, до смешного малым, но делавшим многое, во всю мощь нервов и мускулов?».* Эти заслуги были по достоинству оценены Россией. В августе 1858 г. Муравьев был возведён в графское достоинство, с присоединением к его фамилии названия «Амурский», произведён в чин генерала от инфантерии и удостоен ордена «Белого орла». Вместе с ним награждены были 198 участников Амурской экспедиции и сплавов, основателей первых русских селений на Амуре. Михаил Семёнович Корсаков, один из «делавших многое, во всю мощь нервов и мускулов», также был награждён орденом и пожизненным пенсионом.

Присоединив левобережье Амура к России, Муравьев-Амурский добивается разрешения на массовое заселение пустынных берегов крестьянами и казаками из Сибири. Каждому из новых поселений генерал-губернатор лично присваивает название, чаще всего

по именам своих сподвижников. М.И.Венюков, перечисляя возникшие летом 1857 года казачьи станицы на Амуре, сообщает: «На Улус-Модоне два небольшие посёлка, ныне называемые Казакевичевом и Корсаковым, в честь двух сотрудников Муравьёва по занятию Амура; последний посёлок от станицы Кумарской по реке, 69 вёрст».

Освоение новых земель на востоке не обходилось без регулярно возникающих трудностей. Из письма Н.Н.Муравьёва-Амурского к М.С.Корсакову (декабрь 1859 года): «Морское министерство жестоко с нами поступило. Не дождавшись нашей сметы, не сосчитавши нашей флотилии и её потребностей, внесло в государственную смету по прошлогоднему 430 тысяч рублей, а нам нужно 873 тысячи... но если этого не хотят сделать, то граф Амурский поедет ловить сардинки к берегам Бискайского залива [то есть в отставку, во французское имение жены.-сост.]. Одна Восточная Сибирь даёт при новом откупе лишних 1.600.000 рублей в год. Как же не назначить хоть четвертой части этих сибирских денег на устройство флота и портов, чтобы предупредить занятие их англичанами».

Летом 1860 года Муравьёв-Амурский в последний раз возвращается из столицы в Иркутск, чтобы подготовить дела к передаче в руки преемника, М.С.Корсакова, бывшего к тому времени Председателем Управы Восточной Сибири. Сам Корсаков уходит в отпуск до января 1861 года. Буссе и Казакевич, сотоварищи Корсакова, назначаются губернаторами новых областей. 1860 год ознаменовался подписанием Пекинского трактата, в соответствии с которым Приморье переходит навечно в российское владение, с проведением границы по рекам Усури, Сунгача, озеру Ханка, реке Беленхэ и горным хребтам до реки Тумыньдзян (Туманной). Этот трактат стал главным итогом деятельности Муравьёва-Амурского на посту генерал-губернатора Восточной Сибири по занятию земель на востоке России. В 1861 году он сдаёт дела по управлению краем Корсакову, возвращается в столицу и выходит в отставку.

Корсаков становится новым генерал-губернатором огромного края. Но и теперь он не остаётся без опеки старшего друга. В письмах Муравьёв-Амурский даёт множество советов и поучений. От столичных же министров и советников он неоднократно добивается поощрений для своего любимца – Миши Корсакова. Это очень облегчило первые шаги Михаила Семёновича на новом поприще.

Около десяти лет был М.С.Корсаков генерал-губернатором Восточной Сибири, продолжая начатое именитым предшественником обустройство и укрепление новых российских владений. Уже в начале его деятельности по личной инициативе Корсакова были значительно усилены военные посты на Сахалине, в ответ на территориальные претензии Японии. Позднее все старые и новые посты были объединены в единый Сахалинский отряд. Активизировалось заселение Приморья. С 1862 года оно становится добровольным. Для привлечения в край крестьян-переселенцев им были дарованы значительные льготы.

Михаил Семёнович не относился к числу губернаторов, управляющих краем из кресла в Иркутске. Традиционные при Муравьёве длительные поездки по краю практиковал и Корсаков. Особое внимание он уделял новоприобретённому краю, южной части Приморской области, её гаваням и постам. Уже в 1862 году новый генерал-губернатор объезжает многодневным путешествием восточное побережье России.

Сохранились записки лейтенанта Е.С.Бурачка, бывшего тогда начальником поста во Владивостоке. Ему довелось беседовать с Михаилом Семёновичем в непринуждённой обстановке, в полевой палатке, рядом с которой горел костёр. Бурачек был откровенен с

высоким гостем и посетовал на тяжёлое материальное положение солдат. Прошло несколько дней. Корсаков попросил собрать всю команду поста и в шинелях привести к его квартире. Выйдя к солдатам, генерал-губернатор поблагодарил их за хорошую работу и усердную службу, в заключение же, по словам Бурачка, сказал: *«Ребята! Вы не получали до сих пор зарбочих денег. Лейтенант хлопотал о выдаче их вам. Я сделаю распоряжение об отпуске, а теперь каждому даю в награду по 5 рублей...»*. Лейтенант, по его признанию, был в таком восторге от этого награждения, словно сам получил в награду несколько тысяч рублей...

Корсакову постоянно приходилось вдаваться в мельчайшие подробности жизни отдалённых окраин. Недаром имя его часто фигурирует в исторических документах, как только заходит речь о тех или иных подвижках в развитии края. Власть генерал-губернатора вдалеке от столиц была в те времена почти ничем не ограничена.

В 1868 году М.С.Корсаков на корвете «Америка» обходит русские порты Приморской области. По итогам поездки он составляет отчёт-обозрение Приморской области, в котором высказывает новые предложения по дальнейшему обустройству края. В частности, он предлагает сделать Хабаровку областным городом, а Николаевск превратить в порт, разделить Уссурийский край на округа, учредить особый конный пограничный отряд для охраны незаселённых местностей, ускорить строительство дорог и ввести почтовое сообщение. Но прежде всего он думает об увеличении населения в крае, без которого неосуществимы все, даже самые грандиозные, планы.

Михаил Семёнович обращается к правительству с призывом: *«Единственно по недостатку рук и при незначительности в сравнении с потребностью отпуска провианта из Амурской области приходится по необходимости доставлять муку кругом света, а между тем и климат, и почва, и пример туземных жителей ясно доказывают, что при поощрении переселения продовольственные средства для войск нашлись бы на месте в изобилии и обошлись бы для казны гораздо дешевле. То же самое должно сказать и о морских учреждениях, неминуемо долженствующих развиваться в будущем при столь благоприятных условиях юго-восточной части Приморской области. Но в этом случае Южно-Уссурийский край с своими лесными и каменноугольными богатствами и обилием удобных гаваней даст прочную поддержку и военному и торговому русскому флоту, если дарованы будут средства к увеличению в нём русского населения»*.

Деятельность Корсакова на посту генерал-губернатора Восточной Сибири стала венцом его жизни и продолжением дела Муравьёва-Амурского. Тот, по своему обыкновению, воспитывал в ближайших сподвижниках навыки лидеров, управителей огромного края. Об этом свидетельствуют вехи служебной карьеры самого Корсакова, под дружеской опекой старшего друга: офицер для особых поручений – капитан – командир Амурского десанта – полковник – военный губернатор и войсковой казачий атаман Забайкалья – Председатель Управления Восточной Сибири – генерал-лейтенант – генерал-губернатор Восточной Сибири. Такой путь пройден Корсаковым за 23 года, проведённые на Дальнем Востоке в почти беспрестанных разъездах.

Глава 4.

В своё время, передавая Корсакову дела по управлению краем, учитель его и покровитель Муравьёв-Амурский писал ему:

«Все мои адъютанты и чиновники особых поручений к твоим услугам: все они – люди с самолюбием и с чувством долга своего и чести; не должно их обижать потому только, что они не становятся в струнку и, как говорят, избалованы мною. В Камчатке он, пожалуй, и развалится в кресле по светским обычаям, но при сплаве на барже и плотам никто из них не развалится, а всякий вылезает из кожи, чтобы исполнить свою должность».

Таков был и сам Михаил Семёнович, так он относился, по примеру предшественника, и к воспитанию своих подчинённых, требуя от них самоотверженности и, прежде всего, деловых качеств. Тому много примеров. Скажем, многие знают, читали или слышали, что соседнее с нами село, Пуциловка, получило имя в память о талантливом чиновнике, который в Переселенческом управлении ведал устройством в крае корейцев-иммигрантов. Но не многие знают, что у истоков карьеры Пуцилло стоял Корсаков. Начало ей положило письмо Корсакова военному губернатору Приморской области И.В.Фурунгельму.

«3 сентября 1869 год.

Его Превосход. И.В.Фурунгельму.

Милостивый государь, Иван Васильевич!

Служащий в Иркутском отделении государственного банка в должности младшего помощника кассира, Коллежский Регистратор ПУЦИЛЛО изъявил желание перейти на службу в Приморскую область на должность, соответствующую получаемому им ныне содержанию (750 руб.). Такой переход вызывается желанием его ознакомиться с отдалённым краем, и, кроме служебных занятий, продолжать там его научные занятия по естественным наукам.

Зная Пуцилло как чиновника способного и усердного к службе и желая с своей стороны удовлетворить его просьбу, я имею честь покорнейше просить Ваше

Превосходительство уведомить меня, не признаете ли возможным назначить

Коллежского Регистратора Пуцилло на должность чиновника особых поручений при Приморском Областном Правлении или на какую-либо другую подобную оной.

Примите уверение в совершенном почтении и преданности.

Михаил Корсаков».

Фурунгельм откликнулся на просьбу генерал-губернатора. Пуцилло был переведён в Южно-Уссурийский край в 1870 году и назначен ответственным в Переселенческом Отделе за обустройство корейских иммигрантов. Талант к изучению языков позволил Пуцилло уже в 1872 году подготовить к печати первый в России русско-корейский словарь. К сожалению, деятельность Пуцилло, его отношения с корейцами пришлись не по душе новому генерал-губернатору Восточной Сибири Синельникову, который был назначен на должность вскоре после смерти Корсакова в 1871 году. Пуцилло был уволен, и некому было заступиться за молодого талантливого чиновника... После смерти генерал-лейтенанта Корсакова в наследство потомкам остался его богатейший архив, в том числе путевые заметки и переписка Михаила Семёновича. На многих рукописных страницах запечатлены различные этапы его государственной службы, перипетии его многочисленных путешествий, нюансы его взаимоотношений со множеством людей. Корсакову выпала судьба быть вторым, после Муравьёва-Амурского, преобразователем восточных окраин. Муравьёв открывал и начинал, Корсаков осуществлял и развивал. Между тем имя Муравьёва-Амурского широко и заслуженно известно, имя же Корсакова остаётся как бы в тени деяний его учителя. Остаётся надеяться, что со временем будет воздано по заслугам всем соратникам Муравьёва по великому Амурскому делу.

По данным «Морского биографического справочника», за труды свои на благо России Корсаков был награждён орденами: Св.Станислава I степени (1858), Св.Андрея I степени (1861), Св.Владимира II степени (1867). Похоронен он в подмосковном родовом имении.

Таковы некоторые факты из жизни человека, чьё имя получило наше село, основанное в далёком 1869 году. В том же году в наших местах, тогда ещё безлюдных на пространствах между основанным за три года до Корсаковки селом Никольским (будущим Уссурийском) и китайской границей, появились ещё три поселения корейских иммигрантов. Все они получили названия, по обычаям того времени, по фамилиям видных чиновников администрации. Село Кроуновка было названо в честь контр-адмирала А.Е.Кроуна, бывшего в 1871-1875 гг. военным губернатором Приморской области. Село Синельниково (Синеловка) – по имени сенатора, генерала от кавалерии Н.П.Синельникова, генерал-губернатора Восточной Сибири в 1871-1875 гг. Село Пуциловка – по имени молодого чиновника, пользовавшегося уважением корейских иммигрантов, о котором уже говорилось выше.

Впоследствии эти четыре селения образовали Корсаковскую корейскую волость, которая просуществовала до конца XIX века, затем сёла эти вошли в состав Борисовской волости.

Был период времени в нашей истории, когда М.С.Корсакова, как и других высших чинов администрации Восточной Сибири, Приморской области, Южно-Уссурийского края, считали однозначно лишь царскими наместниками, послушно проводившими на востоке России антинародную политику царского режима. Однако справедливость требует признать, что история не бывает однозначной и что деятельность этих людей во многих случаях была направлена в первую очередь «на пользу и благоустройство» обширных восточных земель, и порою её приходилось осуществлять даже вопреки сопротивлению высших столичных сановников и вызывая порой неудовольствие самого царя. Так что имена этих людей вполне заслуженно сохраняются и донныне на географических картах, наряду с именами крестьян – основателей селений и воинов – защитников этих земель.

«Рекомендую Вам Корсакова не только как отменно полезного генерала, но и как человека с сердцем, в обширном смысле этого слова, с правилами твёрдыми, самого лучшего направления и, по моему мнению, необходимого для Сибири, по крайней мере, на пять лет; поддержите его и ободрите дружеским словом, а то другие министерства так его загоняли после меня, что, пожалуй, он и не выдержит...».
(Из письма Н.Н.Муравьёва-Амурского к Д.А.Милютину из Парижа, 24.11.1871)

«Как бы ни были велики верноподданнические чувства Корсакова, необходимо отметить и такие его качества, как честность и трудолюбие. Он, соразмерно со своими силами и способностями, стремился продолжать дело Н.Н.Муравьёва-Амурского. При нём и при непосредственном его участии дальнейшее развитие получило переселенческое дело, особенно в южных гаванях».
(Алексеев А.И. «Как начинался Владивосток», Владивосток, ДВКИ, 1985)